

Адаев В. Н.

ЭФФЕКТ «НЕВИДИМОСТИ» ЗАПАДНЫХ ЭВЕНКОВ В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ XIX–XX ВВ.: ПРИЧИНЫ, ПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ ФАКТОРЫ И СРЕДА¹

В статье анализируется феномен длительного пребывания некоторых эвенкийских коллективов вне государственного контроля, когда де-факто об их проживании на территории местным властям было известно. В качестве примера рассмотрена группа западных эвенков Лихачёвых, мигрировавших в последние десятилетия XIX в. из бассейна р. Подкаменная Тунгуска через Васюганье в Нижнее Прииртышье. На всех выявленных территориях продолжительного нахождения переселенцев отмечена крайняя скудность подтверждающих это официальных документов. Проблемы учёта таежных кочевников связываются автором с действиями трёх сторон: тех, кто не хотел находиться под контролем (сами эвенки); тех, кого подобная ситуация устраивала (основная часть чиновников и значительная доля священников); и тех, кто активно её поддерживал (чиновники на местах, торговцы).

Ключевые слова: миграция, народы Севера, кочевники, государственный контроль, Подкаменная Тунгуска, Васюганье, Демьянка, Туртас.

Введение. Замысел написания данной статьи родился в ходе многолетних архивных поисков сведений о группе западных эвенков, мигрировавших в последней четверти XIX в. из бассейна р. Подкаменная Тунгуска в междуречье иртышских притоков – Демьянки и Туртаса. Новое место жительства находилось от прежнего по прямой на расстоянии около 1100 км в направлении запад-юго-запад. Группа насчитывала не менее 30 человек в составе нескольких семей, носивших звучную для русского слуха фамилию Лихачёвы. Маршрут переселения, его примерная хронология и состав участников был восстановлен на основе семейных преданий Лихачёвых и подтверждался косвенными этнографическими и историческими данными. Подробному анализу реконструированного процесса переселения планируется посвятить отдельную работу (см. также: Адаев, 2010: 129–132; Он же 2011: 64–68).

Малорезультативность архивных изысканий, которые должны были верифицировать и дополнить собранные полевые данные, оказалась особенно впечатляющей от того, что она повторялась на всех трёх установленных территориях пребывания изучаемой группы эвенков – районах П. Тунгуски, Васюганья и демьянско-туртасского междуречья. Всякий раз присутствие Лихачёвых на той или иной местности в искомый период подтверждалось в официальных документах в большей степени косвенно, из общего информационного контекста и достигалось лишь на основании обработки большого массива разнообразной документации. Показательно, что неоднократно возникавшие сомнения в достоверности исходных полевых данных развеивались прежде всего публикациями исследователей, непосредственно работавшими на данных территориях. Таким образом, налицо парадокс длительной невидимости в официальных документах представителей одной этнической группы, в связи с чем большой интерес вызвали уже сами механизмы создания и сохранения подобного положения дел.

На Российском Севере хорошо известен, как минимум, ещё один пример того же ряда. Он касается небольшой группы ненцев-кочевников, проживающих на востоке Ненецкого автономного округа, которые весь советский период истории оставались вне государственного учёта – не имели паспортов, не обучались в школе, не служили в армии, никогда не состояли в оленеводческих колхозах или совхозах. Как пишет о них Л. Валликиви: «*Власти не знали (или по крайней мере, делали вид, что не знают) об их существовании*» (Vallikivi, 2009: 59).

¹ Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 36. Историческая память и российская идентичность», проект «Постколониальность Сибири: пространственная схема и социокультурная динамика».

К немаловажному замечанию, приведённому в скобках, мы вернёмся чуть позже, пока же акцентируем внимание на том, что представленная аналогия подтверждает: наше исследование связано не с единичным явлением, и не с узкими проблемами учета кочевых эвенков, а с неким феноменом, касающимся разных этнических групп коренного населения Севера.

В задачи настоящей работы входит рассмотрение на конкретном примере условий, причин и ключевых факторов, на основании которых длительное время сохранялось отсутствие документального учёта этнического коллектива из числа коренных народов Севера. Поднимаемая тема актуальна уже в силу своего импульса, направленного на расширение исследовательского поля. Кроме того, здесь поднимаются довольно злободневные вопросы методики использования и взаимной перепроверки устных и письменных источников информации. В методологическом плане исследование базируется на системном подходе, в рамках которого существование незамечаемых в официальной документации сообществ рассматривается как результат действия сети социальных связей и отношений в условиях конкретной природной и социальной среды.

Исходные полевые данные. Полевые материалы по эвенкам Нижнего Прииртышья² собирались автором статьи в ходе ряда историко-этнографических экспедиций 2000–2012 гг. в Уватский, Кондинский, Тобольский и Вагайский районы Тюменской области, а также Усть-Ишимский, Тевризский и Тарский районы Омской области. Среди опрошенных были, как потомки эвенков, так и контактировавшие с ними люди разной национальности (русские, ханты, чуваша).

Семейное предание о переселении в кратком пересказе свидетельствует, что три семьи эвенкийских оленеводов, главами которых были Лихачёвы Павел Ефремович (или его отец), а также Самсон и Кузьма Константиновичи, ушли с Енисея в поисках лучших охотничьих земель. В конечном итоге они остановились на водораздельных болотах Демьянки и Туртаса, где им повстречались большие стада лосей. В числе этих же переселенцев или чуть позже в верховья Демьянки пришла ещё семья Лихачёва (?) Кинтильяна Ефремовича, которая потом проживала несколько обособленно к востоку от остальных.

В общем контексте рассказа переход предстаёт как довольно стихийный и неспешный процесс, при этом чётких воспоминаний о каких-то промежуточных точках маршрута и длительном проживании на них не сохранилось. Тем не менее, можно утверждать, что путь эвенков пролегал через бассейн р. Васюган, где они на какое-то время задержались. В пользу этого говорит состав спутников, прибывших с ними на новое место жительства. Это были васюганские ханты Матыковы (они же Ваговские), Карауловы и Куликовы. Кроме того, с Васюгана Лихачёвы привезли двух жён-хантыек. Хотелось бы обратить внимание на приуроченный к Енисею ареал изначального переживания. Воспоминания о том, что дед или прадед приехал именно с Енисея, звучали в воспоминаниях нынешних потомков практически всегда, в единичных случаях зафиксированы важные уточнения: «*пришли из-за Енисея*», «*с Подкаменной Тунгуски*».

Что касается конкретной датировки переселения, то здесь можно лишь строить некоторые предположения на основании возраста переселенцев. Соотнесение полевых материалов с отрывочными сведениями научных публикаций позволяет уточнить, что реальными главами семей переселенцев скорее всего были родители вышеуказанных эвенков. Так, по сообщению охотоведа В. В. Васильева, Кузьма и Самсон Лихачёвы кочевали у притоков Туртаса вместе с их отцом Константином Ивановичем (1929: 31). Биолог же И. Н. Шухов прямо указывает, что, на Демьянку пришёл отец Кинтильяна (1927: 203). Тем не менее, сыновья, вероятнее всего, действительно участвовали в переселении, так как они нередко вспоминали о былой жизни на Енисее. О Павле Лихачёве его потомки рассказывали: «*дед всё говорил, пойду, мол, обратно на Енисей*». Таким образом, можно предполагать, что весь процесс переселения произошёл на

² Здесь: имеется в виду территория бассейнов Демьянки и Туртаса – крупных правых притоков Нижнего Иртыша.

отрезке 1880–90-х гг. Этому не противоречит и наиболее раннее известие о пребывании эвенков на демьянско-туртасской территории, зафиксированное в научной литературе. Венгерский этнограф Я. Янко описал случайную встречу с тунгусом в низовьях Демьянки в 1898 г. (Janko, 2000: 125).

В итоге, для проведения архивных изысканий в нашем распоряжении имелся ряд важных отправных сведений: фамилия, имена и примерный возраст переселенцев; локализация территории изначального выезда и временного пребывания; примерная датировка процесса миграции. Обращает на себя внимание русская фамилия и имена большинства эвенков старшего поколения. Это обстоятельство говорит, во-первых, о довольно давнем обращении представителей фамилии в христианство, а во-вторых, позволяет предполагать, что на протяжении нескольких поколений семьи переселенцев поддерживали контакты с русским населением, посещали поселковые церкви или встречались с миссионерами. Крещение безусловно носило формальный характер, так как эвенки Нижнего Прииртышья оставались на деле язычниками.

Всё вышеуказанное подвигает к довольно важному заключению: сложности официального учёта рассматриваемой группы эвенков нельзя просто свести к постоянному её пребыванию в зоне белых пятен географии, она явно периодически выходила на «большую землю». Это подтверждается и тем, что все старики Лихачёвы, по воспоминаниям, худо-бедно говорили по-русски.

Территория исхода (П. Тунгуска – Енисей). Стандартный набор документов, по которым вёлся поиск упоминаний о переселенцах Лихачёвых на всех трёх территориях включал: материалы переписей, церковную документацию, данные по налогообложению, деловую переписку местных властей и служителей церкви с вышестоящими лицами, постановления местной власти, судебную документацию, сведения по снабжению продовольствием и торговле, отчеты исследователей, землеустроительных комиссий, специалистов по организации промысловой, природоохранной деятельности и пр.

Что касается непосредственно Туруханского края, то здесь сведения о тунгусах Лихачёвых до 1880–90-х гг., несмотря на самые длительные по времени и тщательные архивные поиски, были зафиксированы только единично в переписных данных. Наиболее близкое по времени упоминание о них в документах ранее начала XX в. удалось встретить в ревизских сказках по ясачным инородцам Милитской волости за 1795 г. (материалы более поздних ревизий по волости в Красноярском архиве не обнаружены). Отметим, что принадлежавшие к данной волости эвенки одними из немногих были к этому времени крещены. Все записанные здесь Лихачёвы имели ещё пока эвенкийские имена, но их род как будто бы вскоре должен был прерваться, так как единственному мужскому носителю фамилии было уже 73 года (ГАКК. Ф. 910. Оп. 1. Д. 7. Л. 77–82). На деле, с большой долей вероятности, мы здесь имеем дело с недостаточно полными данными, которые удалось собрать переписчикам.

Подтверждение этому мы находим у С. К. Патканова, который пишет, что по ревизии 1858 г. тунгусы Лихачёвы ещё относились к Милитскому бродячему роду, кочевавшему тогда по р. Сым, достигая на юге рек Кеть и Кемь. К 1900-м гг. этот ранее многочисленный род, как и некоторые другие, внезапно исчез: *«из числа этих последних родов временами появляется незначительная часть инородцев, которые затем опять уходят, разбредаясь по многочисленным притокам р. Енисея; значительная же часть их, как нужно полагать, или вымерла или откочевала в какие-нибудь отдалённые места»*. Исследователь искренне сетует, что имеющиеся сведения относительно распространения тунгусов данного региона отрывочны и ничтожны, даже местное начальство весьма мало осведомлено, где бродят, что с ними стало и какова реальная численность родов (Патканов, 1906: 156–159; см. также Максимова, 2016).

Из сообщения С. К. Патканова можно отметить два важных момента: 1) учёт эвенкийских родов на территории проживания Лихачёвых был в значительной степени недостоверен,

что было, в частности, связано с самовольным перемещением населения; 2) пребывание Лихачёвых фиксируется не на правом берегу Енисея, в районе П. Тунгуски, а на левом – у р. Сым. К первому пункту мы вернёмся чуть ниже, а по второму необходимо кое-что уточнить.

Какие имеются факты, подтверждающие нахождение эвенков Лихачёвых на П. Тунгуске? О присутствии родовой группы Кима (Кималь, Кимоль), к которой относились Лихачёвы, в 1920–30-е гг. на левых притоках П. Тунгуски пишут Г. М. Василевич (1931: 134) и А. Ф. Анисимов (1936: 187). Непосредственно на притоке П. Тунгуски – р. Вельмо Приполярной переписью 1926–27 гг. была отмечена одна семья Лихачёвых. Забегая вперёд отметим, что эта перепись фиксирует пребывание Лихачёвых на трёх территориях западнее Енисея – Сымской, Нарымской и Васюганской – в общей сложности 19 семей (84 человека) (Василевич, 1931: 134; Туголуков, 1985: 253). Соответственно, версия о том, что родина Лихачёвых-переселенцев связана с П. Тунгуской имеет свои основания.

Однако при проверке её мы сталкиваемся с ещё большими проблемами официальной статистики. Если в XVIII в. некрещёные тунгусы ещё значились в составе Подкаменной волости (по ревизии 1796 г. четверть из них числилась «в бегах» (ГАКК. Ф. 910. Оп. 1. Д. 6. Л. 249–253)), то в XIX в. П. Тунгуска вообще перестала фигурировать в переписях, как территория проживания эвенков. Официально здесь, в составе Нижнеинбатской управы, проживали только енисейские остяки – кеты, в то время как среднее и верхнее течение реки несомненно входили в зону эвенкийских кочевий. Этнограф XIX в. князь Н. А. Костров, анализируя опубликованные сведения Енисейского губернатора А. П. Степанова, указал на отсутствие в его списках сразу четырёх тунгусских родов, связанных с П. Тунгуской и прилегающими территориями (1857: 84–85).

Можно высказать предположение, что численность Лихачёвых на П. Тунгуске в 1880–1890-е гг. была невысокой и проживали они, вероятнее всего, по левым притокам реки, в частности, в бассейне р. Вельмо. К этой мысли подталкивает отсутствие каких-либо упоминаний об этой фамилии или роде Кима во всех просмотренных документах, содержащих отрывочные данные по эвенкам П. Тунгуски (сведения местных вахтёров хлебозапасных магазинов, приезжих миссионеров, ревизоров, исследователей).

Остановимся подробнее на форме организации контроля над столь подвижным населением, как эвенки, которая использовалась в Енисейском крае. В местах, удобных для доставки хлеба, и куда могли без сложностей добраться в назначенное время таёжные кочевники, учреждался суглан – пункт размещения хлебозапасного магазина, где работник-вахтёр собирал с инородцев ясак и прочие долги, снабжал их хлебом и боеприпасами. Здесь же позднее проходила ярмарка, во время которой торговцы скупали оставшуюся пушнину. О важнейшей функции сугланов пишет губернатор А. П. Степанов: *«Сугланы сии более полезны для порядка в управлении, чем для самой торговли; ибо на сих только определённых каждому роду местах, правительство сходится, так сказать, с сими дикарями. Здесь получают они распорядительные приказания на целый год; сюда приносят свою дань или ясаки»* (1835: 161–162).

Учитывая значительные пробелы статсведений второй половины XIX в. о Милицком роде, есть веские основания полагать, что представители фамилии Лихачёвых ясак и другие сборы выплачивали далеко не регулярно и в разных местах. В качестве иллюстрации можно привести письмо Туруханского отдельного заседателя от 1868 г., адресованное смотрителю Верхнеинбатского участка, в котором он указывает, что инородцы Анциферовской волости, включая милицких, уже третий год не являются на вверенный ему участок и он просит при их возможном появлении на другом суглане взыскать ясачные недоимки (ГАКК. Ф. 400. Оп. 1. Д. 43. Л. 2–2а). Такая неопределённость безусловно открывала широкие возможности для злоупотреблений сборщиков податей на местах, что вполне могло быть одной из причин отсутствия сопутствующей документации. Об уровне творившегося беззакония в подобных вопросах можно судить по запискам этнографа А. А. Макаренко, посетившего П. Тунгуску в 1907–1908 гг.: *«За церковного старосту в Панолике взялся править Михаил Коронатович Кокорин,*

сравнительно молодой крестьянин из богатеев, торгующий в Панолике вместе с братом. Сборы собирает и отправку делает бесконтрольно, причём добросовестностью по отношению к тунгусскому добру не отличается. А настоящий церковный староста в Кежме продает «приклад» с торгов либо по знакомству» (Клиценко, 2013: 9).

Наиболее предприимчивые торговцы (тунгусятники) были ещё одной стороной, заинтересованной в учётной неразберихе с ясачным населением, благодаря которой у эвенков можно было бесконтрольно скупать всю имевшуюся пушнину и приводить их в личное подчинение. Любые попытки пролить свет на происходящее тут же вызывали упорное сопротивление торговцев. Тот же А. А. Макаренко неоднократно сталкивался с неласковой встречей со стороны эвенков, запуганных тунгусятниками предстоящим визитом якобы большого начальника: «И потому тунгусы, вопреки присущей им общительности, старались быть сдержанными в вопросах и ответах. Это злонамеренный навет тунгусятников, ибо в чиновниках я никогда не состоял, а был членом Русского географического общества» (Клиценко, 2013а: 18).

Колоритное описание ярмарки на суглане у дер. П. Тунгуска встретилось в отчёте ревизора И. И. Горбовца за 1916–1917 гг., который, несмотря на старания, не смог предотвратить торговых злоупотреблений (правописание текста сохранено): «Некоторые купцы потверждавали, что факт, обманывали инородцев до крайности и палажительно все, и что действительно старые долги вполне несправедливы. [...] Я предложил купцам сперва распределить тунгусам муку, что они и сделали. После раздачи муки началась сплошная торговля. Получать у купцов счета не удалось иза поспешности торговли. [...] Следует обратить внимание благодаря недопустимой лжи купцов, тунгусы недополучили за белку крупную сумму более 800 руб.» (ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 55. Л. 1–4).

Приведённые факты могут создать ложное впечатление, что эвенки выступали в складывающихся отношениях заведомо пассивной и потерпевшей стороной. На деле их миграции были вполне сознательным и эффективным способом уйти из-под контроля властей и зависимости от частных лиц. О том, как они умело пользовались выгодами своего неуловимого положения и некоторых других особенностях их контактов с русским населением писал этнограф М. Ф. Кривошапкин: 1) «тунгусы так исплутывались, что не только крестные отцы от них многим не поживятся, но они сами напротив требуют назойливо от крестного отца и того и другого»; 2) «имея таким образом часто по два имени, кроме христианского, и называясь то тем, то другим, они производят путаницу, так что при крещении один и тот же записан под одним именем, а в ревизских сказках под другим»; 3) «тунгусы плутовать не откажутся, а о долгах, если прошёл год и более, толкуют как о кислом долге, который стыдно и спрашивать» (1863: 67–68, 73).

Подводя итог, отметим, что вопрос более точной локализации района происхождения переселенцев Лихачёвых пока не удалось решить окончательно, ввиду указанного недостатка официальных документов. В дальнейшем поиски документальных источников, касающихся пребывания переселившихся семей в Туруханском крае, могут быть продолжены как за счёт расширения круга архивов (Москва, Туруханск, Енисейск), так и в направлении поиска новых потенциально информативных документов. Наиболее перспективным здесь видится выявление церквей, к которым выходили рассматриваемые семейства в Енисейской губернии для крещения родившихся детей. Скорее всего, это были редкие выезды в разные населённые пункты или случайные встречи с миссионерами, зафиксировать которые можно будет лишь в результате массовой обработки архивных материалов. Ситуацию характеризует замечание одного православного миссионера XIX в. по поводу дальнейшей судьбы обращённых в христианство тунгусов Туруханского края: бродят «в таких местностях, с которыми никакого общения нет, и в которых не только миссионеры, но даже торговцы и казаки никогда не проникают. [...] В каком приходе состоят крещёные из сих инородцев неизвестно: по церковным клировым ведомостям они не отделены от прочих тунгусов» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 26. Л. 76). На данный момент безрезультатно просмотрены метрические книги второй половины

XX в. из церквей тех населенных пунктов, к которым были приурочены сугланные выходы тунгусских родов, кочевавших по рр. П. Тунгуска, Сым и Пит – Верхне-Инбатской Успенской, Дубческой Троицкой, Назимовской Богородской, Усть-Питской Христорожественской, Ярцевской Благовещенской и Туруханского Преображенского собора. Кроме того, были изучены и материалы по походным церквям миссионеров – Туруханской и Троицкой.

Транзитный ареал – Васюганье. Общая скудность документальной информации об эвенках на данной территории во многом была обусловлена тем, что они были пришлым и неустойчивым населением в плане своего местонахождения. Кроме того, в Томской губернии не существовало такого специализированного института контроля над кочевниками, как сугланы. Соответственно, в официальной документации местных властей вплоть до 1930-х гг. сведения о переселившихся сюда в XIX в. эвенках практически отсутствуют. Показательна фраза из окружного экономического обзора за 1922 г.: *«На необъятных болотах Нарымкрая кочуют со своими оленями Тунгусы, о которых ни статистических, ни иных, даже самых отвлечённых данных не имеется»* (ГАТО. Ф. Р173. Оп. 1. Д. 644. Л. 71).

Между тем, в публикациях исследователей такие данные появляются с довольно раннего времени. Импульс миграций представителей милитского бродячего рода ещё в 1850-е гг. в направлении Васюганья был отмечен С. К Паткановым, который писал, что кочевья этих эвенков на юге достигают р. Кеть (1906: 157) – правого обского притока, ближайшего к Васюгану. В статье Б. П. Шостаковича о геологической поездке по Васюгану в 1876 г. описана случайная встреча с тунгусской семьёй, глава которой поведал, что по реке *«уже несколько лет кочуют три тунгусских семьи»*, все они – *«временно прикочёвывающие»* и родом с р. Сым (1877: 5). Нахождение семьи какого-то крещёного тунгуса-оленевода в Васюганских болотах зафиксировал в 1882 г. и этнограф Н. П. Григоровский. Немаловажно также его замечание, что жена и дети тунгуса – некрещёные (1884: 33), что свидетельствует о нечастом посещении церкви.

Церковь, в отличие от чиновничества, имела веский стимул установления контакта с пришлыми эвенками – закреплённую миссионерскую функцию. Однако в Томской губернии ко второй половине XIX в. хлопотная миссионерская работа не вызывала инициативы у большинства священников на местах. Счастливым случаем для нас в этом отношении стало указание от 1888 г. Томского епископа к священникам всех Нарымских приходов отчитаться рапортами о состоянии миссионерской деятельности, ввиду *«прискорбного состояния христианской веры среди инородцев»*. Поступившие рапорты наглядно представили порядок выездной работы священников и местами либо раскрыли факт пребывания пришлых эвенков (бассейн Кети), либо продемонстрировали, почему это не было установлено (бассейн Васюгана): *«Инородцев же по реке Васюгану и другим речкам, приходится посещать не более [чем] два раза в год, именно зимою и по вскрытию рек, да и то поездка бывает затруднительна – за постоянной их отлучкой на промысел к местам их жительства. [...] К несчастью нашему, инородцы, живущие по рекам Васюгану и другим отдалённым речкам, едва ли могут соблюдать посты [...], но следить за ними и отклонять постоянно нет никакой возможности, особенно по реке Чижапке, по которой в зимнее время нет никакой дороги»* (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2639. Л. 2–13).

Для рационализации поиска записей в метрических книгах о тунгусах Лихачёвых, самостоятельно выходивших к васюганским поселкам для принятия крещения, были обработаны документы 1930–50-х гг. Информация из этих поздних источников косвенно указывала на местонахождение Лихачёвых в верховьях притоков Васюгана – Нюрольки и Чижапки. Соответственно, число церквей, где наиболее вероятно происходило крещение эвенков, удалось существенно минимизировать. Как результат, зафиксирован факт крещения в Спасской церкви с. Каргасок 9 ноября 1914 г. двух эвенков Лихачёвых: тунгусской девицы-язычницы Татьяны Ефремовой, 1880 г.р., наречённой по крещении Татьяной и тунгуса-язычника Лашки Ефремова, 1896 г.р., наречённого Евлампием (ГАТО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 47. Л. 309об.–310). Указанные

лица предположительно могли являться братом и сестрой одного из первых переселенцев в Нижнее Прииртышье – П. Е. Лихачёва.

Общий просмотр метрических книг Спасской Каргасокской церкви за 1870–1919 гг., в результате которого всего было выявлено 10 крещёных эвенков, позволил сделать ряд важных наблюдений, касающихся процедуры крещения и записи о нём: а) эвенки записаны, как тунгусы, в отличие от остяков, которые значились просто инородцами, кроме того, они всегда указывались язычниками, несмотря на наличие русских имен, отчеств и фамилий; б) эвенки приезжали для крещения сами в осенне-зимний период; в) крестились часто будучи взрослыми, иногда вместе с детьми; г) обычно нарекали детей русскими именами, которые и повторялись при крещении священниками; д) у васюганских эвенков, в отличие от кетских, не указывалась волость фактического проживания.

Единственной категорией официальных лиц, которые скорее всего напрямую контактировали с переселившимися эвенками, хотя и не оставили об этом записей в документации, были вахтёры двух существовавших в Васюганье в конце XIX в. хлебозапасных магазинов. Как писал современник, работники этих удалённых магазинов использовали много способов обмана инородцев и подлога в отчётности, чтобы «*набивать свои карманы, разумеется, доставляя малую толику и ближайшему начальству*» (Григоровский, 1884: 64–66).

Новая родина – Тобольское Прииртышье. На данной территории в период до 1940-х гг. зафиксировано ещё меньше документальных сведений о переселившихся эвенках. Проблемы с учётом усугублялись здесь особенной обширностью и малолюдностью той труднодоступной местности, в которой поселились Лихачёвы. Практически все обнаруженные упоминания об эвенках в документах раннего периода – результат непосредственного обследования территории, причём сведения обычно были получены от третьих лиц. Самый первый по хронологии выявленный документ – записка, составленная в 1896 г. по итогам осмотра «*урманских странств Тобольской губернии*» партией по заготовлению переселенческих участков. В ней указывается, что «*кроме остяков, зимой на верховье Туртаса приезжают ещё тунгусы*» (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 394. Л. 43об.). Отметим, что исполнители обследования работали в летнее время, поэтому сами видеть эвенков не могли. Ряд документов первой половины 1920-х гг., связанных с учреждением в бассейне Демьянки лосиного заказника, упоминают кочевых тунгусов в качестве нарушителей границ заказника и злостных браконьеров. Информация охотоведов недвусмысленно указывает, что взять под контроль эвенков им не удаётся (ГАСО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 565. Л. 154; Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 5. Л. 44).

Аналогичная нотка недовольства неподконтрольностью группы бродячих тунгусов Туртаса и Демьянки, которые кочуют без постоянного местопребывания и то появляются в границах Дубровного района, то уходят в Тарский округ Сибирского края, звучит и в докладе Тобольского Комитета содействия малым народностям Севера за 1929 г. Озабоченность советских работников заключалась в том, что данной группы «*советизация совершенно не коснулась*» (ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 437. Л. 10–10 об., 42). «Советизацию» удалось осуществить нескоро – лишь в начале 1940-х гг. До того, в 1930-е гг., известия об эвенках в официальной документации можно охарактеризовать как редкие, случайные и краткие. Типичный пример: Тевризский Сибторг Западно-Сибирского края в 1931 г. упоминает неких тунгусов в качестве клиентов построенной на Демьянке фактории (ЦДННАО. Ф. 944. Оп. 1. Д. 2. Л. 22). Постановке эвенков на учёт объективно препятствовали их подвижность и нахождение в заболоченной части водораздела Демьянки и Туртаса, где сходились границы сразу трёх административных субъектов. По воспоминаниям местных жителей, официальная регистрация эвенков Лихачёвых произошла лишь в 1942 г., когда органы милиции Уватского района провели военную мобилизацию таёжного населения, выехав непосредственно на места его проживания. Постановка на учёт совпала с началом ещё двух процессов в жизни демьянско-туртасских эвенков: постепенным отходом от оленеводства и переходом на проживание в поселениях по рр. Демьянка и Туртас.

Заключение. Резюмируем выводы исследования. Длительная незаметность кочевых эвенкийских оленеводов для бюрократических структур во многом была обусловлена тем же, на чём основывалась обычная лёгкость проникновения представителей этой этнической общности на уже заселённые сибирские территории – они осваивали незанятые ареалы водораздельных болот, вкрапляясь в свободные экологические ниши. При этом речь шла отнюдь не об изолированном проживании в глуши: в силу своей мобильности, способности к быстрой адаптации, эвенки проявляли высокую степень социальной активности. На том же демьянско-туртасском ареале они демонстрировали широкий круг межэтнических брачных связей, налаженные контакты со всеми соседями, обширную сеть путей сообщения с внешним миром.

Помимо объективных сложностей учёта эвенков, связанных с удалённостью и труднопроходимостью территории проживания, их кочевым образом жизни, информационный вакуум вокруг эвенков в официальной документации являлся результатом действия или бездействия трёх сторон: тех, кто не хотел находиться под контролем (сами эвенки); тех, кого подобная ситуация устраивала (основная часть чиновников и значительная доля священников); и тех, кто активно её поддерживал (чиновники на местах, торговцы). Не вызывает сомнения, что миграции западных эвенков в XIX–XX вв. в определённой мере были сознательным действием, направленным на выход из-под контроля государственных структур и влиятельных частных лиц. Бродячие таёжники с успехом пользовались выгодами своего «невидимого» положения и не спешили его менять. Для основной части чиновников и многих священников эвенки были крайне неудобной группой населения, официальный учёт которой был сложен, малорезонен и гарантированно влёт за собой дополнительные трудности и хлопоты, ввиду чего они просто закрывали глаза на её существование. Наконец, лица, непосредственно контактировавшие с эвенками и получавшие от этого неучтённую материальную выгоду, активно поддерживали удобный для них *status quo*, нередко противодействуя работе исследователей и миссионеров. В целом же, длительный неофициальный статус части западных эвенков стал результатом ослабления государственного контроля над северными народами на промежутке времени от всеобщего приведения к ясачной зависимости в XVII в. до ужесточения учёта населения в период Великой Отечественной войны.

Список сокращений

- ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГУТО ГА в Тобольске – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
п. – посёлок
П. Тунгуска – Подкаменная Тунгуска
РГО – Русское географическое общество
ТГУ – Томский государственный университет
УИВ – Уральский исторический вестник
ЦДНИОО – Центр документации новейшей истории Омской области

Список источников и литературы

- ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 55; Ф. 400. Оп. 1. Д. 43; Ф. 667. Оп. 1. Д. 26; Ф. 910. Оп. 1. Д. 6, 7.
ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 437.
ГАСО. Ф. Р-239. Оп. 1. Д. 565; Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 5.
ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2639; Ф. Р173. Оп. 1. Д. 644; Ф. 527. Оп. 1. Д. 47.

ГУТО ГА в Тобольске. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 394.

ЦДНПО. Ф. 944. Оп. 1. Д. 2.

Адаев В. Н. Этнолокальные модели и индивидуальные стратегии экологической адаптации (бассейн р. Демьянка, 1930–1980-е гг.) // УИВ. – 2010. – № 2. – С. 125–135.

Адаев В. Н. «А остяки – они же любители одиночеств...»: этническая идентичность и этнические стереотипы у населения реки Демьянка в XX–XXI вв. // УИВ. – 2011. – № 2. – С. 63–72.

Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). – Ленинград, 1936. – 196 с.

Василевич Г. М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Советский Север. – 1931. – № 10. – С. 133–145.

Васильев В. В. Река Демьянка: Экономико-этнографический очерк. – Тобольск: Тобольская Гостинография, 1929. – 36 с.

Григорьевский Н. П. Описание Васюганской тундры // Записки Западно-Сибирского отдела РГО. – Кн. VI. – Омск: 1884. – С. 1–70.

Клиценко Ю. В. Об экспедициях А. А. Макаренко к эвенкам Подкаменной Тунгуски // Илкэн. – 2013. – № 6. – С. 9–13.

Клиценко Ю. В. Шаманский чум. Исследователь Алексей Макаренко о встрече с эвенками // Илкэн. – 2013а. – № 2. – С. 17–19.

Костров Н. А. Очерки Туруханского края // Записки Сибирского отдела ИРГО. – Кн. 4. – СПб.: Типография морского министерства, 1857. – С. 61–176.

Кривошапкин М. Ф. Об остяках, тунгусах и прочих инородцах Енисейского округа // Записки Сибирского отдела РГО. – Кн. VI. – Иркутск, 1863. – С. 39–86.

Максимова И. Е. Архивные материалы как источник по этногенезу сымско-кетских эвенко. Электр. ресурс, режим доступа: URL: <http://zsaek.tsu.ru/node/3>.

Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки РГО по отд. этнографии. – Т. XXXI, Ч. 1. – СПб., 1906. – 177 с.

Степанов А. П. Енисейская губерния. – Ч. 1. – СПб., 1835. – 276 с.

Туголуков В. А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 284 с.

Шостакович Б. П. Поездка по рр. Васьюгану и Чижапке в 1876 г. // Томские губернские ведомости. – 1877. – № 50. – С. 5

Шухов И. Н. Последние следы угасшего оленеводства в Тарском округе // Тр. Сиб. вет. института. – Вып. VIII. – Омск, 1927. – С. 201–207.

Janko J. Utazas Osztyjakfoldre 1898. – Budapest: Neprajzi Museum, 2000. – 400 s.

Vallikivi L. Christianization of words and selves: Nenets reindeer herders joining the state through conversion // Conversion after socialism: disruptions, modernisms, and technologies of faith in the former Soviet Union / Ed. by M. Pelkmans. – New York: Berghahn Books, 2009. – P. 59–83.

Адаев В. Н., кандидат исторических наук, зав. сектором этнологии.

Институт проблем освоения Севера СО РАН.

Ул. Малыгина, 86, Тюмень, Россия, 625048.

E-mail: whitebird4@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 06.11.2016

Адаев В. Н.

THE EFFECT OF THE «INVISIBILITY» OF WESTERN EVENKS IN OFFICIAL DOCUMENTS OF THE 19TH-20TH CENTURIES: CAUSES, SUPPORTING AND ENVIRONMENTAL FACTORS

The article analyzes the phenomenon of a long absence from state control of some Evenk groups although their whereabouts was de facto not unknown to local authorities. A group of Evenks with the family name Likhachev was chosen as an example for the study, they migrated from the Podkamennaya Tunguska-river basin through the Vasyugan-river valley to the Lower Irtysh-river area in the last decades of the 19th century. The situation with the extreme lack of official documents confirming the Evenk presence was all the same in all three above mentioned territories which they inhabited. The author considers that the lack of mentionings of the taiga dwellers in documents was due to the actions of three parties: those who did not want to be under the control (the Evenks themselves); those who were satisfied

with such a situation (most officials and a large proportion of Christian clergy); and those who actively supported it (some local officials and merchants).

Key words: *migration, Northern natives, nomads, state control, Podkamennaya Tunguska-river, Vasyugan-river valley, Demyanka-river, Turtas-river.*

List of Sources

- Documentation Center for Contemporary History of the Omsk Region (CDNIOO). F. 944, op. 1, d. 2.
Public Institution of the Tyumen Region the State Archive in Tobolsk (GUTO GA v Tobolske). F. И-3, op. 1, d. 394.
State Archive of the Krasnoyarsk Region (GAKK). F. 217, op. 2, d. 55; f. 400, op. 1, d. 43; f. 667, op. 1, d. 26; f. 910, op. 1, d. 6, 7.
State Archive of the Russian Federation (GARF) (Moscow). F. 3977, op. 1, d. 437.
State Archive of the Sverdlovsk Region (GASO). F. P-239. op. 1. d. 565; f. P-288. op. 1. d. 5.
State Archive of the Tomsk Region (GATO). F. 170, op. 2, d. 2639; f. P173, op. 1, d. 644; f. 527, op. 1, d. 47.

References

- Adaev V. N.* Etnolokalnye modeli i individualnye strategii ekologicheskoi adaptatsii (bassein r. Demianka, 1930–1980-e gg.) [Ethnolocal models and individual strategies of ecological adaptation (the Demyanka river valley, 1930–1980)] // *Uralskii istoricheskii vestnik – Ural Historical Journal.* – 2010. – № 2. P. 125–135. (in Russian)
- Adaev V. N.* «A ostiaki – oni zhe liubiteli odinochestv...»: etnicheskaja identichnost i etnicheskie stereotipy u naseleniia reki Demianka v XX-XXI vv». [«And the Ostyaks – they are the lovers of solitude...»: ethnic identity and ethnic stereotypes of the Demyanka river population in the 20th – 21st centuries] // *Uralskii istoricheskii vestnik – Ural Historical Journal.* – 2011. – № 2. – P. 63–72. (in Russian)
- Anisimov A. F.* Rodovoe obshchestvo evenkov (tungusov) [Gentile society of the Evenks (Tungus)]. Leningrad, 1936. – 196 p. (in Russian)
- Vasilevich G. M.* K voprosu o tungusakh, kochuiushchikh k zapadu ot Eniseia [On the question of the Tungus nomadising to the west of the Yenisei] // *Sovetskii Sever – Soviet North.* – 1931. – № 10. P. 133–145. (in Russian)
- Vasilev V. V.* Reka Demianka: ekonomiko-etnograficheskii ocherk [The Demyanka river: economic and ethnographic essay]. – Tobolsk: Tobolskaia Gostipografiia Publ., 1929. – 36 p. (in Russian)
- Grigorovskii N.P.* Opisanie Vasiuganskoi tundry [Description of the Vasyugan tundra] *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela RGO* [Notes of the Western Siberian branch of the Russian Geographical Society]. Omsk, 1884. – Vol. VI. – P. 1–70. (in Russian)
- Klitsenko Iu. V.* Ob ekspeditsiiakh A. A. Makarenko k evenkam Podkamennoi Tunguski [On the expedition by A. A. Makarenko to the Evenks of the Podkamennaya Tunguska river]. – Ilken, 2013. – № 6. – P. 9–13. (in Russian)
- Klitsenko Iu. V.* Shamanskii chum. Issledovatel Aleksei Makarenko o vstreche s evenkami [Shaman's Tent. Researcher Alexey Makarenko about the meeting with Evenki]. – Ilken, 2013a. – № 2. P. 17–19. (in Russian)
- Kostrov N. A.* Ocherki Turukhanskogo kraia [Essays of Turukhansky krai]. *Zapiski Sibirskogo otdela IRGO* [Notes of the Siberian branch of the Russian Geographical Society]. – SPb.: Morskoye ministerstvo Publ., 1857. – Vol. 4. – P. 61–176. (in Russian)
- Krivoshapkin M. F.* Ob ostiakakh, tungusakh i prochikh inorodtsakh Eniseiskogo okruga [On the Ostyaks, Tungus and other non-Russians of Yenisei district] // *Zapiski Sibirskogo otdela RGO* [Notes of the Siberian branch of the Russian Geographical Society]. – Irkutsk, 1863. – Vol. VI. – P. 39–86. (in Russian)
- Maksimova I. E.* Arkhivnye materialy kak istochnik po etnogenezu symsko-ketskikh evenkov [Archival materials as a source on the ethnography]. [Electronic resource] – Access mode: URL: <http://zsaek.tsu.ru/node/3> (in Russian)
- Patkanov S. K.* Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniia 1897 g. i drugikh istochnikov // *Zapiski RGO po otd. etnografii* [Notes of the Russian Geographical Society on the ethnographic division]. – SPb., 1906. – Vol. XXXI, pt. 1. – 177 p. (in Russian)
- Stepanov A. P.* Eniseiskaia guberniia [The Yenisei gubernia]. – SPb., 1835. – Pt. 1. – 276 p. (in Russian)
- Tugolukov V. A.* Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri [The Tungus (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. – M.: Nauka Publ., 1985. – 284 p. (in Russian)

Shostakovich B. P. Poezdka po rr. Vas'iuganu i Chizhapke v 1876 g. [A trip on the Vasyugan and Chizhapka rivers in 1876] // Tomskie gubernskie vedomosti – Tomsk Provincial Bulletin. – 1877. – № 50. – P. 5. (in Russian)

Shukhov I. N. Poslednie sledy ugasshego olenevodstva v Tarskom okruge [The last traces of extinct of reindeer herding in the Tarsky okrug] // Trudy Sibirskogo veterinarnogo instituta [Works of Siberian veterinary institute]. – Omsk, 1927. – Is. VIII. – P. 201–207. (in Russian)

Janko J. *Utazas Osztyakfoldre 1898.* – Budapest: Neprajzi Museum, 2000. – 400 s.

Vallikivi L. Christianization of words and selves: Nenets reindeer herders joining the state through conversion. Conversion after socialism: disruptions, modernisms, and technologies of faith in the former Soviet Union / Ed. by M. Pelkmans. – New York: Berghahn Books, 2009. – P. 59–83.

Адаев В. Н., Candidate of Historical Sciences, Head ethnology sector.

Institute of Northern Development SB RAS.

Str. Malygin, 86, Tyumen, Russia, 625048.

E-mail: whitebird4@yandex.ru